

Нов и Ков

День Николая

2009

От авторов

Настоящий - в отличие от предыдущих, написанных нами - рассказ, поначалу был задуман как пособие по страноведению, предназначенное для студентов переводческого отделения факультета иностранных языков Харьковского государственного университета, изучающих страну пребывания английского языка в его американском варианте. В процессе работы работа утратила чисто подсобный характер и приобрела самостоятельную ценность (минимум 10 гривен). Теперь рассказ может представлять интерес для широкого круга неспециалистов в области медицинского страхования, железнодорожных пассажирских перевозок, челюстно-лицевой хирургии, а также для начинающих изобретателей, законченных расистов и любителей домашних животных. Как обычно, авторы выражают надежду на то, что "День Николая", который войдет в серию "Историй с возможным летальным исходом", будет любопытен и узкому кругу их друзей.

День Николая

«Шла машина грузовая,
Раздавила Николая.»

(Из детской песенки)

The Bitch

was not eliminating. Сука не оправлялась. «Да, в этом контексте слово *eliminate* имеет значение «оправляться», - машинально перевел Николай, - кому-то это может показаться неожиданным».

Он посмотрел на часы. «Вот же тварь ушастая - так и опоздать можно. Ну, что она все нюхает? Сколько можно нюхать один куст? Ведь она уже весь воздух в себя втянула, вокруг ее носа вакуум образоваться должен». Николай потянул за поводок, чтобы скорее пройти по утреннему маршруту. Однако на углу Эбби опять встала, как вкопанная, и принялась обнюхивать очередной куст.

«У мексиканцев есть *пиньяты* - большие куклы, набитые конфетами, которые подвешивают к дереву и бьют палками, пока они не лопнут, - не без наслаждения вспомнил Николай. - Вот взять бы и отдубасить ее бейсбольной битой, чтобы из нее все побыстрее вылетело! Эбби, быстро садись какать, кому сказал?»

В ответ Эбби вытащила из мусорного мешка, стоявшего на обочине, женский тампон и начала подбрасывать его в воздух, приглашая Николая к присоединиться к этой веселой игре. «Вот же, чума коричневая! Чтоб ты всралась, где ты взялась, как говорят в моем родном городе Харькове!» - взорвался Николай.

Эбби действительно была коричневой. Она была коричневым лабрадором-ретривером.

Он хорошо помнил ту пятницу, когда появилась Эбби. Был теплый августовский вечер. Николай приехал из Нью-Йорка¹ на автобусе в Маунт Поконо², где его должна была встретить на машине Алена, чтобы отвезти на дачу. На станции ее, однако, не оказалось. Николай позвонил Алене на мобильный. «Ты уже приехал? Мы с Алешей сейчас подъедем. Готовься». Готовься? К чему, интересно? Ждать отгадки пришлось недолго. Первой из машины вышла Алена. За ее спиной прятался Алеша – их младший сын-подросток. Приблизившись, он выскочил из-за укрытия и торжественно произнес: «Таh - dah!»³ В руках он держал коричневого щенка с вислыми ушами.

¹ Город в штате Нью-Йорк (здесь и далее – примечания авторов)

² *Mount Pocono* – поселок на востоке штата Пенсильвания

³ Английское междометие, предваряющее показ нечто неожиданного

Николай хотел разозлиться, но не мог. У него не было сил даже что-то сказать, не то чтобы разозлиться: настолько гнетущим грузом вдруг взгромоздилась на него печаль. Она давила ему на плечи, шею, сердце.

Собственно, все уже было сказано. Алена, разочаровавшись в детях и устав от мужа, захотела собаку. («Трилли хочет собачку!» - откуда это? Короленко? Куприн?) Для преодоления сопротивления Николая к наступлению был подключен наивный Алеша. Последние добрые полгода во время каждой прогулки в лес или на озеро он рисовал для упрямого отца умильные картинки будущей жизни с собакой: как задорно она будет бегать за палкой, как весело будет с ней гулять и купаться, как спокойнее будет маме одной на даче...

Но Николай был неумолим. Каждый раз он терпеливо объяснял, что собака – это большая ответственность, что она станет членом семьи со всеми вытекающими из нее последствиями... Алеша же отвечал, что он будет помогать заботиться о собаке, будет гулять с ней, бросать палку, купаться и т.д. Тогда Николай рассказывал о тех собаках, которые уже были в его жизни, о том, как он любил их, и как тяжело было их терять.

Ни одна из них не умерла собственной смертью. Спаниель Рекс, неутомимый охотник, которого шестилетний Николай обожал таскать на руках, был раздавлен столь же неутомимым охотником – дядей Геней, когда тот возвращался с Рексом с охоты на мотоцикле с коляской. Рекс выскочил из коляски раньше времени. Та же участь была уготована ирландской сеттерше Мирте. Николай уже не был столь привязан к ней, как к Рексу, но его сердце каждый раз сжималось, когда он вспоминал, как совсем взрослый человек, причем человек военный – дядя Геня – навзрыд плакал...

Потом был безродный, маленький Шарик, его долго лечили от какой-то жуткой болезни: у него вылезла шерсть и почти вылезли из орбит глаза. Николаю казалось, что глаза вылезали из-за удивления: Шарик недоумевал, как это его угораздило так заболеть. Произошло чудо – песик выздоровел. Как раз подошло лето, и вся семья перебралась в деревню к бабушке и дедушке. В первые минуты после приезда, когда радостные дети сбрасывали с себя обувь, чтобы побежать на луг босиком, Шарика раздавил грузовик – единственная машина, которая проехала в тот день через деревню. Водитель не остановился: на малой родине Николая, как, впрочем, и на большой, собака не считалась достаточно важным существом, ради которого стоило стирать тормозные колодки.

Потом был Гай – русский спаниель, бесшабашный гуляка и страшный плут. Он был перманентно сексуально озабочен. Нюх у него был настолько эффективным, что запах течки он чуял за несколько километров. Тогда он весь горизонтально вытягивался, превращаясь в нечто среднее между носом и членом, которых неумолимо тянула куда-то невидимая нить. Команды, крики, посулы не имели более на него воздействия. Гай исчезал. Напрасно Николай ходил часами по парку, выкрикивая его имя. Половой маньяк приплетался через день-два, качаясь от усталости и любви.

В один промозглый осенний вечер Гай убежал в очередной раз. Для порядка Николай походил с полчаса по дорожкам, переступая через лужи, и свистя время от времени. Промокнув, вернулся домой и почувствовал, что заболевает. Напившись чаю и приняв аспирин, он улегся пораньше спать.

Проснулся Николай среди ночи: ему показалось, что кто-то зовет его, выкрикивает его имя. Не отдавая себе отчет в своих действиях, он набросил на себя плащ и выбежал на улицу. Почему-то сразу устремился на Пушкинскую:

ему казалось, что именно туда над бежать. Он оказался прав: на проезжей части, ближе к тротуарному бордюру, лежал Гай. Он был еще жив.

Принеся Гая домой, Николай позвонил в ветлечебницу. Ему объяснили, что если бы это было полезное животное – корова или коза – тогда бы взяли срочно спасать, а из-за собаки беспокоиться не будут...

Вереницу мучеников замыкали расстрелянные и отравленные: фокстерьер Бакс и среднеазиатская овчарка Дана. Они жили в деревне, где несли нелегкую службу по охране родительского дома и сада. Николай встречался с ними раз в году - летом, когда приезжал проведать родителей. Бакс провел свое детство и, возможно, отрочество на помойке в Донбассе, откуда привезла его сердобольная к животным сестра Николая. Измученный людьми, Бакс на всю жизнь сохранил к ним стойкое недоверие. Гладить себя он разрешал лишь отцу Николая, да и то весь дрожал от напряжения, пока тот проводил пару раз ладонью по его гладкой головке. В голове же его, кроме недоверия к людям, были непропорционально большие, как у Щелкунчика, челюсти, из-за которых уже не оставалось места ни для чего другого - например, мозгов. Поэтому Бакс был поразительно глуп. Он был настолько глуп, что не понимал, что на него падает холодный дождь и что нужно от него укрыться: трясаясь от холода, он стоял в оцепенении под струями воды до тех пор, пока его единственное доверенное лицо – отец Николая – не ставило его в будку. Ну, и, конечно, у Бакса оставался инстинкт охотника: он любил погонять кур и у некоторых поковыривал перья из хвоста, за что каждый раз нес наказание, к чему, правда, ему было не привыкать. Зато главную свою службу – дозорно-сторожевую - нес исправно. Деревенские дети его ненавидели.

Дана была семейным животным. Ничего более святого, чем семья, для нее не было. С Николаем она познакомилась щенком (она приставала на лугу к Баксу, теряла равновесие, обломала о твердую Баксову голову молочный зуб; пузо у нее было уморительно толстое и гладкое) и с тех пор узнавала его голос издали каждый раз, когда он приезжал. На втором месте после семейных ценностей у Даны были имущественные: даже с иностранным носорогом она сражалась бы до последней капли крови за каждую пядь родной земли, каждый смородиновый куст, каждый огурец, росший на «ее» 25 сотках. По своей степени смелость ее могла сравниться только с Баксовой глупостью. Смелость удачно дополнялась соответствующей внешностью: мускулистым туловищем, мощной шеей, крупными лапами, большой головой с желтыми глазами. Когда Дана злилась, эти глаза становились бледно-желтыми, из них смотрела первобытная природа, страшная своей недвусмысленностью. Такое случалось с ней редко. Она в принципе относилась к людям спокойно, а к тем, кто захаживал по-соседски к хозяевам – уважительно. Только чтобы не было запаха алкоголя. Этот запах, исходивший от человека, всегда менял у Даны цвет глаз на бледно-желтый. Может, говорили в ней мусульманские гены, а, может, алкоголь, на самом деле, противоречит законам первобытной природы – так или иначе эффект всегда был один и тот же. Поэтому и Дану в деревне не любили многие.

На прогулках Дана любила мышковать. Это занятие было столь же увлекательным и бесполезным, как и компьютерные игры детей Николая: Дана выгрызала дерн, засовывала на долгое время в норку нос, пытаясь определить местоположение полевки (которая к этому времени уже была в соседней Смоленской области), опять выгрызала дерн, опять засовывала нос в норку – и так до тех пор, пока ее не уводили силой домой. Иногда в ней просыпалась

историческая родина, она убегала на луг, ложилась на землю возле пасущейся соседской лошадки и сторожила ее. Плавать - как любой житель горного Бадахшана - не любила, но вместе с Николаем и по его приказу – плыла, скрепя сердце.⁴

Первая «похоронка» пришла на Бакса. «Случилась большая неприятность, - писал Николаю отец, - Бакс с Даной сбежали, не было целый день. К вечеру на трех ногах приковыляла Дана с прострелянным бедром. Потом пришла соседка Полина (она не была ранена). Сказала, что Бакса и Дану расстрелял милиционер за то, что они задрали двух его гусей. Я пошел за Баксом. Он лежал в кювете, не доходя до ветлечебницы. Я закопал его на лугу.»

Милиционер выпустил всю обойму из своего табельного Макарова. Несмотря на последнее обстоятельство, а также возбужденное самогоном и безвременной кончиной гусей состояние, он сумел попасть в маленькую голову Бакса. Бакс мог бы, конечно, продолжать бой и без головы, если бы вместе с ней не разлетелись на куски его знаменитые челюсти. Впоследствии милиционер выражал сожаление по поводу инцидента, так как гуси оказались не его, а он расстрелял весь боекомплект.

Дана в скорости выздоровела и даже не хромала. Она дожила по почтенного возраста, хотя своей внешностью и поведением этого не показывала. Она продолжала быть верным часовым, спать на снегу, искать мышь, пасти лошадей. Однажды она убежала на луг и не вернулась. Через несколько дней пастухи сказали отцу, что видели каких-то мужиков, которые давали Данае куски мяса, и указали место. Отец нашел Дану и тоже похоронил ее на лугу.

«Индейцы считали, - вспоминал Николай, - что после смерти человек должен перейти по стволу дерева через пропасть, отделяющую его от рая. На другой стороне его будет ожидать его собака (над полагать, тоже к тому времени покойная). Как индеец обращался со своей собакой - так она будет его встречать. Кто и как будет встречать меня? Что если будут поджидать все – раздавленные, пострелянные, отравленные?»

Николай вновь нервно посмотрел на часы. Эбби втягивала раздувающимися ноздрями обильные запахи, исходившие от пожарного гидранта – любимца местных кобелей. Николаю показалось, что и он обоняет характерный запах.

Внешность у Эбби была эффектной: цвет – темно-коричневый, шерсть – короткая и гладкая, как у выдры. Мордой она чем-то походила на морского льва. Хвост - длинный и очень выразительный. Помимо стандартных позиций – «трубой» и поджатой, он мог сгибаться под прямым углом вниз посередине или же на две трети - зависимо от степени настороженности или игривости. При опасности вытягивался палкой и посередине вздувался довольно крупный шарик.

Европейцы впервые увидели этих собак у северно-американских индейцев на острове Ньюфаундленд, расположенном у берегов местности, называемой Лабрадором. Индейцы применяли их в самых различных целях: для вытаскивания сетей, перевозки грузов и даже - используя их удивительную

⁴ Это, конечно, вовсе не означало, что любой житель горного Бадахшана поплыл бы с Николаем по его приказу.

готовность все приносить - спасения утопающих . Англичане в 19 веке стали из этой породы делать охотничью. Они добились успеха – что было, наверное, нетрудно, учитывая то, что лабрадоры почти такие же сообразительные, как и англичане, и перейти с тяжелого труда на пробежки по камышам под свисток охотника довольно легко. Но англичане очень гордились и записали породу в охотничий клуб. Всем лабрадорам выдали дипломы с королевской печатью и приказали забыть плебейское происхождение. Теперь, когда английский охотник тонет на болоте или в озере, лабрадор больше не спасает его, а терпеливо ждет, потому что спасать больше не положено. Потому что порядок – есть порядок.

В Америке же лабрадоры, помимо охоты, занимаются всем подряд. Очень популярны они среди полицейских – ищут бомбы. В ООН они постоянно околачиваются. Ищут людей под обломками (пока что не в ООН). Особенно хороши как поводьры для слепых. Недостатки: частая дисплазия бедер и болезнь глаз, приводящая к слепоте. В последнем случае хорошо иметь второго лабрадора в качестве поводьры.

Эбби, конечно, ничем из вышеперечисленного и не подумала бы заниматься. С веселыми, любвеобильными, милыми, послушными лабрадорами - верными друзьями людей и нежными опекунами детей - ее связывало лишь одно общее свойство - внешность. Под этой обманчивой внешностью скрывался бес . Эбби никому не подчинялась, людей не любила, детей ненавидела, собак пыталась при первом удобном случае загрызть. И если бы Николай начал тонуть, она сделала бы вид, что вытаскивает сети.

Эбби поначалу особых надежд на выживание не подавала. Болела желудком – лечили антибиотиками. Была «кожа и кости». Переболев, стала стремительно поправляться и набирать вес. Вся сосредоточившись на восполнении веса, она совершенно запустила свое умственное развитие и не отличала съедобное от несъедобного. Так и безумный человек порой не различает добро и зло. Все, что попадалось ей на глаза, Эбби пыталась проглотить. Глотались пробки и камни. В доме пропадали предметы мелкого и среднего размера. В семье нарастала истеричность, достигшая пика, когда бесследно исчезли маникюрные ножницы. Однажды был украден бутерброд и проглочен вместе с длиннющей острой палкой, которой бутерброд был проткнут. Пользуясь общим замешательством, Эбби тут же стянула и опять же проглотила яблочный пирог, который Николай собирался есть на завтрак в течение недели. После чего на улице был всосан вовнутрь живым громадный слизняк. По-видимому, слизняк, в отличие от Эбби, не хотел умирать и стал оказывать внутреннее сопротивление. Вскоре отважный, но уже умирающий слизняк выполз-таки на волю, выводя за собою пирог, палку и прочую всячину.

Николай уже опасался, не является ли Эбби редким исключением в мире животных, которым, в принципе, свойственен инстинкт самосохранения. Ведь если бы все звери были такие как Эбби, то волчата бы ели камни, лисята глотали бы ежей целиком, змеи бы сами себя душили, зайцы бы разгонялись и бились о скалы, а слоны бросались бы в пропасти или топились.

Однако со временем саморазрушительные тенденции у Эбби стали ослабевать. Она стала умнее. Усвоила основные команды и - согласно преysкуранту - выполняла. Помимо русского в совершенстве владела английским языком. Английский, однако, она не любила и лишь терпела его, когда к ней обращались американцы. Когда же на нем говорили "свои", Эбби начинала лаять. Казалось, все не мило было ей в родной стране, даже язык.

У стола Эбби никогда вслух не попрошайничала. Просто стояла и обливалась слюнями. Слюни лились двумя толстыми непрерывными струями и скоро образовывали на полу лужу, объема которой было достаточно для проведения влажной уборки кухни, а также стерилизации (собачья слюна, как известно, обладает бактерицидными свойствами).

В своей семейной «стае» Эбби быстро разобралась и расставила всех по рангам. Алена - №1, ее нужно было слушаться почти всегда, шуточки с ней были плохи. Николай - №2, его, хотя он и часто ее кормил, можно было слушаться не всегда, в основном, за угощение, а лучше - играть: в догоняние мячика или перетягивание веревки. Вещи, которые принадлежали Николаю, можно было жевать. Его стул на кухне в Нью-Йорке скоро должен был под ним рухнуть: так сильно Эбби подпилила ножки. Попрошайничать опять же можно было у Николая. Алеша - №4, потому как за №3 Эбби считала саму себя. Поэтому на Алешу вполне можно было рычать, чтобы он не мешал отдыхать, не подходил к ее еде. Митя – старший сын, самых внушительных в семье размеров - классификации не поддавался, он приезжал редко, и тогда лучше было сидеть тихо. Один раз она попробовала на него рыкнуть. Митя спросил: «Что?» - и Эбби забралась под стол.

Для ее правильного воспитания была куплена книга, посвященная исключительно лабрадорам-ретриверам. Книга была полна глубоких наблюдений и полезных советов типа: «Лабрадоры очень любят есть.» Или: «До года не перегружайте щенка. Ограничивайтесь выходами в Ваш задний дворик, для того чтобы Ваш питомец изумлялся окружающей действительности.» Были просто любопытные факты: «Каждый день в США рождается 10 тыс. человек и 70 тыс. кошек и собак. Каждый год в США умерщвляется от 5 до 7 миллионов кошек и собак.» (Про людей во втором примере ничего уже не говорилось, так что сравнение проводить было трудно.) Примечательны были рекомендации по привитию туалетных навыков, прочитанные в интернете : «Для туалета необходимо выделить определенное место, куда следует водить щенка по одному и тому же маршруту, выводя его из дому через одну и ту же дверь». Последний совет особенно повеселил Николая: «Человек может так часами ходить по улице, ожидая, когда оправится любимая собачка, которую уже распирает от говна, а та все никак не усядется. Наконец, хозяина осеняет: блин, я же не через ту дверь ее вывел! В совке, конечно, эта рекомендация была бы столь же полезной, что и совет ездить в отпуск на Сейшелы.»

Не хуже были и друзья-собачники. Коллега по работе Николая предупредил: «Это будет громадная псина. В машине вози ее в багажнике. Иначе во время лобового столкновения она как снаряд вылетит через лобовое стекло.» При этом его нисколько не волновала судьба других пассажиров, особенно Алеша, который тоже обычно ездил непривязанным на заднем сидении. Наблюдение одной знакомой Николаю понравилось: «Собаки спят 18 часов в сутки.» Руководствуясь этим, он после прогулки всегда говорил Эбби: «Иди на место и спи 18 часов.»

Наконец, наконец. Обнюхав аккуратно постриженную лужайку перед домом, который был похож на Харьковский отремонтированный дворец пионеров, Эбби закутилась волчком. Сейчас свершится. Эбби остановилась, помахала хвостом и хитро посмотрела на Николая. «When she starts to give signs

that she is to urinate or defecate, say «Go potty»⁵, - учило руководство. Вместо этого Николай стал рассматривать бегавшую по ветке белку, изображая полное равнодушие. Собака приняла характерную позу, став похожей на увеличенную во много раз коричневую бутылку. «Оптимально для пива, - машинально подумал Николай. - Можно было бы придумать и пробку для того, чтобы затыкать ее на периоды длительного отсутствия хозяина. Ведь разумные, предусмотрительные медведи пользуются такими затычками на протяжении всей спячки.» Николай прочел об этом в определителе млекопитающих Национального общества имени Одюбона: "Excrement is never found in the wintering den. The bear stops eating a few days before retiring, but then consumes roughage, such as leaves, pine needles, and bits of its own hair. These pass through the digestive system and form an anal plug, up to 1 foot (30 cm) long, which is voided when the bear emerges in the spring".⁶

«Почему я запоминаю всякое говно, - риторически спросил себя Николай и вновь вспомнил руководство для владельцев лабрадоров: «... while the urine or feces is flowing, gently praise her: "Good potty!"»⁷. Рекомендуемую похвалу он переводил вольно, обычно прибегая к фразе: «Ну что, тварь, просралась?» Между тем за собачкой нужно было убрать. «Эх, - вздохнул Николай, - чего только не сделает советский человек, чтобы избежать сурового штрафа! Эх...» «Clean up after your dog! Maximum penalty - \$450»⁸ - грозила надпись на столбе. Руководствуясь исключительно меркантильным этим побуждением (ген правового сознания у него отсутствовал), он надел на руку полиэтиленовый пакет, сгреб дымящиеся кругляшки и вывернул кулек. «Интересно, а вот если убрать дерьмо чужой собаки, - опять стал отвлекаться Николай, - будет ли это трактоваться американским правом как нарушение, скажем, как кража? Вполне возможно. Ведь если, например, подбросить мусор в чужой бак, то это будет наказуемо как "кража услуг"». Николай даже представил себе праведный гнев обокраденного хозяина: «How dare you touch my dog's shit? How dare you do this without my permission?»⁹

«Блядь! Shit! Fuck!»¹⁰ Как можно было подсунуть, как можно было взять прорванный кулек? Николай принялся вытирать руку о кулек, но лучше от этого не стало: теперь грязными были и рука, и кулек. Николай с новой ненавистью посмотрел на Эбби: «Тварь, низкая, низменная тварь, чума коричневая!» У Николая сперло от гнева в груди и внезапно кончилось красноречие: «Fuck! Shit! Блядь!» Но надо же девать куда-то этот гребаный кулек и - быстрее домой отмываться.

Эбби, облегчившись, весело подбежала к Николаю, задрала голову вверх и, как показалось Николаю, подмигнула ему. «А что если я уже там, - подумалось ему вдруг, - что если меня «уже встретили на той стороне?» Я - в

⁵ «Когда она начинает подавать признаки того, что она собирается мочиться или испражняться, скажите: "Садись на горшок!"»

⁶ «В берлоге никогда не бывает экскрементов. Медведь перестает принимать пищу за несколько дней до начала спячки и ест листья, хвою и куски собственной шерсти. Поглощенная им субстанция проходит через пищеварительный тракт и образует анальную пробку до 1 фута (30 см) длиной, которая выходит наружу после того, как медведь покидает берлогу».

⁷ Во время того, как собака мочится или испражняется, ласково похвалите ее: «Хорошо! Молодец! (дословно: «Хороший горшок!»)»

⁸ «Уберите за своей собакой! Максимальный штраф – 450 долл.»

⁹ «Как смеете Вы прикасаться к дерьму моей собаки? Как смеете Вы это делать без моего разрешения?»

¹⁰ Английские ругательства

говне, и мне подмигивает коричневая тварь, и это повторяется каждое утро - в каком круге ада я нахожусь? Вон бабуля идет, сейчас спросим.» И он представил себе следующий диалог:

- Excuse me, Mam, what circle of inferno am I in?

- Say again?

- How the hell do I get the hell out of this hell?

- I don't know what you are talking about, young man, but you surely stink like hell!¹¹

Эбби не отходила и продолжала нагло смотреть на Николая. «Ну, что ты уставилась, стерва,» - прорычал Николай. На самом деле он хорошо знал, почему стерва уставилась: она ничего не делала бесплатно; любая команда воспринималась ею как просьба об оказании платной услуги. Отправление же большой нужды считалось великой жертвой, требовавшей особого вознаграждения.

«Нет, так продолжаться не может, - вскипел Николай. - В конце концов, это - не моя собака. Сегодня нужно положить этому конец. И не только этому, но и кое-чему другому. Не хочу уподобляться этому типу, которого играет Басилашвили в фильме "Осенний марафон".»

Этот фильм Николай посмотрел - в который раз - вчера. К просмотру присоединился Алеша, который - о чудо! - проявил интерес и досидел до конца. Он сопереживал главному герою - умному, доброму, талантливому человеку, на котором окружающие ездили верхом и еще понукали. Алеша удачно выразил это на английском языке: "You treat people right, and they shit all over you".¹²

«Так вот, действительно, I must finally put my foot down. I must draw a line,¹³ - убеждал себя Николай. - В конце концов, это - не моя собака, почему я должен из-за нее нервничать, опаздывать?»

Повторяя про себя сформулированную филиппику, он решительно зашагал домой. Поднявшись по крыльцу к парадному входу, он решительно открыл внешнюю, затем внутреннюю дверь. Последний пролет одолел уже медленнее: "Дыхалка ни к черту. Так и решительность можно потерять".

Николай вошел в кухню. Алена сидела за обеденным столом. На ней все еще была длинная спальная рубашка из толстой фланели с нарисованными на ней желтыми кукурузными початками. Красными от недосыпа и слез глазами Алена обреченно смотрела на экран прибора для измерения содержания сахара в крови. Николай открыл рот и закрыл его. "Все понятно, - сказал он себе. - There will be no showdown today.»¹⁴

«Ну, что - вы покакали?» - спросила Алена. «Я - нет,» - бросил Николай и прошел в ванную. «Ты покакала, моя дунечка, - услышал он за спиной радостный голос. - Покакала моя дудочка, собачка моя холосая, сейчас, моя песенка, я тебя за это угощу, покормлю.»

«Вот, - подумал Николай, - какую неподдельную радость может вызвать простой факт испражнения. Подобной радости у Алены не будет в течение всего остального дня, до следующего "вы уже покакали?" Это - событие, от

¹¹ «Простите, мадам, в каком кругу ада я нахожусь?»

«Что Вы сказали?»

«Как, черт побери, мне выбраться из этого чертова ада?»

«Не понимаю, о чем Вы говорите, молодой человек, но воняете Вы чертовски!»

¹² «Вот так всегда: ты к людям относишься по-человечески, а они на тебя гадят!»

¹³ «Я должен, наконец, сказать: "Хватит!". Я должен положить этому предел.

¹⁴ Сегодня выяснения отношений не состоится.

которого зависит мироощущение. Может, и людям нужно больше внимания уделять этому акту. Например, начальник говорит секретарше: "Ну что – Вы покакали? Вот замечательно, Вы просто молодец, Вы так меня порадовали, разрешите мне Вас за это поощрить, моя Вы золотенькая дудунечка..." Но хватит, это скатологическое утро затянулось. Нужно переходить к следующей задаче дня, но действуя более решительно».

Быстро переодевшись, Николай энергично вышел из дому и тут же обмяк. Утренняя свежесть бесследно исчезла. Воздух был как желе. Казалось его можно было нарезать ножом, он забивал носоглотку, лип к волосам, коже, одежде. « Three H, - вспомнил Николай прослушанную утром метеосводку, - hot, humid and - что еще - horrible? А ведь еще май не кончился. Что это за вешний день?»¹⁵ Но духом он решил не падать: идти до станции было минут 20, как раз можно продумать следующую конфронтацию с Аркашей - его личным и главным дантистом.

Аркашу Николай знал давно. Их связывали годы - годы радости и боли, причем радость доставалась исключительно Аркаше, а боль - Николаю. Этот нездоровый симбиоз сложился сразу после приезда Николая в Америку.

Как всякий советский человек, он приехал не со всеми зубами. Собственно, если было что-то общее, что объединяло в то время советских людей, то это были зубы. Удивительно, как то, чего нет, так может объединять. Когда эти люди открывали рот, они походили на персонажи картины Босха «Корабль дураков». Все они находили самый радостный прием у своих бывших соотечественников-дантистов. И к кому же еще идти, как не к своим: ведь они все понимают, и советский рот, включающий и русский язык, вызывает у них не культурный шок, а только - опять же - радость.

Аркаша

специализировался на советских командированных: дипломатах, консульских работниках, сотрудниках ООН и т.д.. С оплатой услуг проблем никогда не возникало: либо платил – в случае дипломатов - Советский Союз, либо - в случае сотрудников ООН – все покрывала зубная страховка. Но самая большая прелесть заключалась в том, что все эти люди через 3-4 года уезжали домой, после чего их связь с Аркашей становилась исключительно эмоциональной.

Николай приехал в Нью-Йорк по рабочей визе уже после распада СССР как свободный гражданин независимой Украины. «Тебе надо было ехать в Испанию, - сразу же сказал Эдуард – бывший диссидент и ныне старший научный сотрудник лаборатории, в подчинении которого оказался Николай, - там все шепелявят. Хотя *the* у тебя неплохо должно получаться. Если бы не свист... Иди к Аркаше, он будет только рад».

Аркаша был только рад. Он был так растроган полостью рта Николая, что его карие влажные глаза еще больше увлажнились. «Николай, мы тебе сделаем замечательные зубы – сможешь идти на прием к английской королеве», - с предвкушением произнес он, почмокивая губами, похожими на жирных гусениц. «Но сначала нужно походить к Элиоту на *cleaning*¹⁶, у тебя страшный

¹⁵ Дословно: «три эйч - жарко, влажно и ужасно». В американских метеосводках тройное эйч (triple H) означает «hot, humid and hazy» - «жаркая, влажная погода с дымкой». Николай забывает последний компонент - дымку. Художественно мысли Николая можно было бы перевести как «три Ж: Жарко, Жутко влажно и ...ужасно.

¹⁶ Чистка

buildup¹⁷. Элиот – хороший парень, но умеет делать только чистку. У него жена – американка, миллионер, но ему денег не дает, и ему приходится работать. Но рано к нему не записывайся – он любит вечером хорошо покушать и выпить и утром всегда опаздывает. А мы пока сделаем X-ray¹⁸ и пошлем в insurance¹⁹ на approval²⁰».

Элиот оказался тучным выходцем из Винницы по имени Илья. Ему было очень тяжело работать, и он не скрывал этого. Пытаясь отслоить многолетние депозиты с зубов Николая, он часто прерывался и тягостно вздыхал. Николаю было неудобно, что он является причиной таких страданий. Заметив, что у Элиота такие же влажные темные глаза и толстые губы, что и у Аркаши, Николай поинтересовался, не находятся ли они в родственной связи. «Но, но, - ответил Элиот, полагая, что говорит по-английски, Аркадий – из Ровно». Из сказанного можно было сделать вывод, что у людей из Винницы не могло быть родственников в Ровно. До этого о Ровно Николай знал немного больше, чем о Виннице. Ему было известно название газеты «Рівне вечірне». Он и не догадывался, что эти города были мировой кузницей зуболюбных кадров.

Секретарем у Аркаши была Латифа – голубоглазая татарка с длинными распущенными волосами. Из-под волос сразу же начинались стройные аппетитные ноги, которые можно было пожирать глазами почти от самого начала и до конца. Аппетит портили визг бормашины, запах паленой кости и страх боли. Зато после визита вид милой Латифы был для распухшего и окровавленного Николая наградой за мучения. Особенно отрадн была грудь, которой всегда было тесно в прозрачной блузке. Лишь глядя на нее, Николай мог по-настоящему понять значения слов «замечательный и выдающийся». Этот пышный, сдобный и какой-то очень удобный бюст как магнит притягивал к себе отяжелевшую его голову: так хотелось прильнуть к нему полубеззубым ртом. «Она бы напоила меня кумысом», - думалось Николаю.

Латифа оформляла все документы для страховых компаний. «Тебе будут приходиться из insurance всякие письма, - пояснял Аркаша – ты на них особого внимания не обращай, там всякие бенефиты²¹ по нашим клеймам²², ты все равно ничего не поймешь. Ты их выбрасывай. Потому что мы на все эти суммы клеймим, потому что с тебя же мы ничего дополнительного не берем – правильно? – а нам нужно абсорбировать твой дедактибл²³».

Но Николая не нужно было убеждать. Он не совсем понимал, что такое «абсорбировать дедактибл», и был благодарен Аркаше за то, что тот взял на себя такой тяжкий труд. Но дополнительно он все-таки платил – зубами.

Спасение зубов Николая осуществлялось по неизменно печальной схеме. После Элиота Аркаша направлял Николая к своему американскому коллеге Хиршу, который лечил больные парадонтозом зубы: он надрезал десны и наращивал кость. Затем Аркадий посылал Николая к доктору Шварцу, который удалял эти зубы. За этим наступал очередь доктора Рота.

¹⁷ Отложения

¹⁸ Рентген

¹⁹ Страховка

²⁰ Утверждение

²¹ От английского benefits – страховые выплаты

²² От английского claims - требования об оплате услуг, представляемые в страховую компанию

²³ От английского absorb the deductible – поглотить долю, выплачиваемую пациентом (с тем, чтобы пациент ничего не платил из собственного кармана)

Доктор Рот делал «рут каналы» - удалял нервы и запечатывал каналы. К нему Аркаша направлял Николая в тех случаях, когда был занят его напарник доктор Маргулис – молодой, нервный и торопливый юноша - или когда нужно было переделать его работу. Доктор Рот имел одну большую особенность: перед работой он закрывал глотку пациента куском резины, объясняя это тем, что давным-давно его дедушка – в былом тоже дантист – уронил в рот клиента сверло, и тот проглотил его. И с тех пор все Роты – во избежание исков - используют предохранительную резинку дедушкиного дизайна.

Для Николая резинка была полезной только в одном отношении: страх того, что он задохнется, помогал ему отвлечься от боли, которую причинял ему вкручивавший иглу в зубной канал Рот. К концу работы Рот, обычно жизнерадостный в начале приема, мрачнел. «I couldn't pass all the roots. After Arcadi puts a crown on the tooth, and there's a problem, we'll have to drill though the crown²⁴».

Рот оказывался прав (что значит - специалист): далее события развивались именно по его сценарию. Аркадий ставил коронки и мосты. Зубы под ними воспалялись. Рот сверлил. Зубы снова воспалялись. Тогда Аркадий вновь направлял Николая к доктору Шварцу, который обрезал корни, проникнув к ним через десну. Зубы воспалялись опять. Аркадий снимал мосты и коронки и вырывал зубы.

Как и в случае с собакой, Николаю иногда казалось, что он попал не в Америку, а в довольно продвинутый круг ада – как минимум 5-й или даже 6-й. «Возможно, - думал он, захлебываясь собственной кровью, - это – наказание за измену Родине, а Аркадий, Хирш, Шварц и Рот с его резиновым кляпом – агенты КГБ, приводящие приговор в исполнение. И бесполезно объяснять им, что моя родина теперь Украина. Они знают, где моя Родина. И я знаю. Родина не имеет срока давности, Родина – не зубы, ее не вырвешь».

«Ничего страшного, - сказал лучезарный Аркаша, - мы внизу поставим на то, что у тебя осталось, мост побольше – съемный, на замках. На ночь будешь снимать. Только за замки придется доплатить. Все остальное покроет страховка».

Новый мост с замками оказался тяжелым. Когда Николая задумывался над чем-то, его нижняя челюсть непроизвольно опускалась вниз. Было очень неловко, когда это происходило на работе. «Может, тебе подвязывать челюсть? – посоветовала жена, - знаешь, как покойникам делают».

Но до этого дело не дошло. Вскоре замки поизносились и стали непроизвольно открываться, после чего весь протез вываливался наружу. Обычно это происходило во время еды или беседы. В первый раз это произошло во время разговора с шефом – начальником лаборатории. «Oh, my God, - вскричал он, с ужасом взирая на выпавшую на пол челюсть, как будто ожидая, что она может ожить и напасть на него, - what the fuck is this?»²⁵ «This is my new tooth... my new teeth... I mean, my new denture,²⁶ - заволновался Николай.

«Jesus, you almost gave me a heart attack»²⁷, - произнес побледневший начальник, но тут же спохватился и вновь стал добрым самаритянином: «But are

²⁴ «Я не смог пройти все каналы. После того, как Аркадий поставит на зуб коронку - если будет проблема – мы просверлим через коронку»

²⁵ «Это еще, блин, что такое?»

²⁶ «Это – мой новый зуб... мои новые зубы... т.е. мой новый протез.»

²⁷ «О господи, меня чуть удар не хватил»

you OK? Are you certain you're OK? Here, have a seat. Are you all right ?»²⁸

Николай вспомнил, что этот вопрос был наиболее часто задаваемым в голливудских фильмах. Обычно героя расстреливали из автоматов на крыше небоскреба, потом он долго летел вниз и наконец падал на проезжую часть, где по нему проезжало несколько грузовых автомобилей с прицепами. После чего к герою подбегали сердобольные американцы и спрашивали: «Are you OK?» Они продолжали задавать этот вопрос до тех пор, пока герой не отвечал: «Yeah, I am OK»²⁹. Иногда человек, подбежавший к герою первым, выкрикивал всем остальным зевакам: «Call 911!»³⁰ Сам же он позвонить не мог, потому что ему нужно было задавать вопрос: «Are you OK?»

Чувствуя себя таким же разбитым и раздавленным, как голливудский герой, Николай ответил: «Yeah, I am OK». И поведал ему печальную историю своей зубной болезни. Шеф-самаритянин посоветовал получить второе мнение («get a second opinion»), т.е. обратиться за консультацией к другому специалисту, и дал телефон знакомого дантиста.

Новый дантист оказался маленькой тихой женщиной, производившей впечатление человека, которого вряд ли что на свете может вывести из душевного равновесия. Такое впечатление сохранялось до тех пор, пока она не приступила к осмотру и не сделала рентгеновские снимки, которые сразу отразились на экране компьютера. Увидев немногочисленные руины, соединенные шаткими мостами, доктор заметно разволновалась и спросила Николая, как долго он сидел в тюрьме. Николай рассказал ей о борьбе, которую вели за его зубы Аркаша и его товарищи. "I am horrified, - произнесла возмущенно врач, - these people are a bunch of butchers. Almost all of the root canals will have to be redone. Some have broken needles left in them. This couple of teeth that hold this monster, - она указала на съемный мост, - will probably have to go.»³¹

«And then what?»³² - удрученно спросил Николай.

«And then you may consider implants. You may need at least 4 of them.»³³

«How much will it cost me?»³⁴

«It may cost around 10 thousand dollars»³⁵.

Николаю вспомнилась картинка из "Робинзона Крузо", на которой был изображен Робинзон в мохнатой шапке, смотрящий выпученными глазами на следы на песке, и под которой была надпись: «Он остановился как громом пораженный». Такая сумма была для Николая совершенно неприемлемой, т. е. сам бы он ее мог принять, но никак не заплатить. На Украине, а тем более в Украине, за 10 тысяч можно было купить зубного врача, который пересадил бы ему свои собственные зубы. К тому же таких денег у Николая и не было: к этому времени он обамериканился и погряз в консюмеризме и, соответственно, в долгах.

²⁸ «Но ты в порядке? Ты уверен, что ты в порядке? Присядь, отдохни. Ты в порядке?»

²⁹ «Да, я порядке»

³⁰ «Вызывайте скорую!»

³¹ «Я просто в шоке. Эти какие-то палачи. Почти все каналы придется переделывать. В некоторых остались обломки игл. От этого чудовища, вероятно, нужно будет избавляться»

³² «И что потом?»

³³ «Потом можно будет подумать об имплантах. Вам потребуется поставить минимум четыре»

³⁴ «Сколько мне будет это стоить?»

³⁵ «Это может стоить около 10 тысяч»

Его охватило справедливое возмущение. Столько мучений - и все напрасно? И 10 тысяч? Вот тогда он и решил изучить письма об оплате, которые в большем количестве приходили из страховой компании. И вновь с него можно было срисовывать Робинзона, увидевшего следы Пятницы. Масштабы и наглость злоупотреблений поразили его. Конечно, он понимал, что каждый его вырванный зуб до своего летального исхода служил источником дохода дантистам всех специализаций: гигиенисту Элиоту, пародонтологу Хиршу, эндодонту Роту, хирургу Шварцу, протезисту Аркаше... Он даже не особо удивился тому, что коронки и мосты, поставленные Аркашей несколько лет назад, были заменены на новые. Причем сделано это было совершенно безболезненно: Николай в это время был у родителей в России («Выходец из России (город Ровно) совершает прорыв в американской зубоврачебной практике,» - представилось ему сообщение диктора программы CNN»). Но он и подозревать не мог, что на удаленные уже зубы ставились коронки и мосты, которые - через предусмотренные страховым договором интервалы - также были заменены. Николая даже умилила бесхитростная, почти детская жадность: «Ты эти письма не читай. Ты их лучше выбрасывай».

Точную сумму, на которую Аркаша и компания нажухали страховую компанию, подсчитать не удалось, но и так было ясно: она была гораздо больше искомых 10 тысяч. По результатам своего расследования Николай направил Аркаше письмо, в котором известил его, что тот разоблачен.

Для того, чтобы письмо имело исковую силу, он составил его на английском языке. Это дало ему приятную возможность использовать грозные словосочетания, почерпнутые из американского кинематографа: *insurance fraud, you will hear from my lawyer, see you in court.*³⁶ Он даже употребил фразу *a bunch of crooks*³⁷, хотя понимал, что она придает письму излишнюю эмоциональность - так она ему понравилась.

Аркаша попросил о встрече чтобы, как он выразился, «снять все недопонимания, какие у них могут быть». На эту встречу и шел Николай.

Хотя времени у него оставалось не так уж много, он не преминул приостановиться у излюбленного фонарного столба, на котором несмывающимся фломастером был запечатлен крик души русскоговорящего подростка, попавшего в Америку (вероятно, кого-нибудь из Митиных друганов): «Все американцы – пидарасы, суки, мудаки и ебанаты! USA sucks! NY city - fucking city!»³⁸ Metallica и Russia – ура! Я – бухой!» Надписи было уже несколько лет. Ее даже не пытались закрасить. «Вот что значит – свобода слова, и никто на нее не покушается», - усмехнулся Николай.

Пройдя мимо детской площадки, на которую он когда-то, когда они еще водились, водил своих собственных детей, Николай подошел к перекрестку через Ривердейл-авеню. Хотя свет горел зеленый, он остановился, надеясь увидеть одну из любимых для него сцен в Америке. Ожидание оправдалось: к перекрестку с противоположных сторон одновременно подъехали два автомобиля. Николай чувствовал, что хотя бы один из них должен будет делать левый поворот. Он это только чувствовал, потому что, как водится, внешних признаков поворота никто не подавал. И точно : в тот момент, когда автомобили сблизались на середине перекрестка, один из них резко стал поворачивать

³⁶ «Мошенничество с целью обмана страховой компании», «мой адвокат свяжется с Вами», «до встречи в зале суда»

³⁷ «шайка мошенников»

³⁸ США – дерьмо! Нью-Йорк – гребанный город!

налево. Визг тормозов - это остановился ехавший прямо водитель. Продолжительный возмущенный сигнал. И вот здесь наступил тот самый момент, который не перестал изумлять Николая: возмущался вовсе не тот, кто был вынужден затормозить, а тот кто нагло нарушил правила. На этот раз им оказалась женщина. Ее горевшие от возмущения глаза, казалось, прожигали другого водителя. Но чтобы ничего не оставалось недосказанным, женщина открыла окно, высунула руку и показала длинный наманикюренный третий палец - flipped the bird³⁹, как говорят американцы. После чего, не полагаясь исключительно на язык жестов, выкрикнула: «Fuck you, moron!»⁴⁰

Подобные сцены Николай наблюдал почти каждый день. Ему они представлялись апофеозом американского индивидуализма и свободы личности. Кому-то это может показаться глупостью, но именно в этом он видел суть и силу Америки. Словесно это можно было выразить одной из самых американских фраз: «You cannot tell me what do».⁴¹ Часто это же значение передается простым "fuck you".⁴² Например: «Oh, hi! Please, come on in».⁴³ Ответ: «You can't tell me what to do»⁴⁴. Или: «Have a nice day!»⁴⁵ «Fuck you».⁴⁶ «Mr. President, you can't just go ahead and bomb another country».⁴⁷ "You can't tell me what to do. Fuck you"⁴⁸. «Когда же я наконец стану американцем? Неужели никогда?» - подумал Николай и стал переходить дорогу после того, как на светофоре для пешеходов высветилось: "don't walk".⁴⁹

Дорога

пошла под уклон. Уже замаячил скалистый массив западного берега Гудзона, который, как крепостная стена, защищал соседний штат Нью-Джерси. Николай читал где-то, что именно здесь, где сейчас течет Гудзон, произошел разлом земли на два континента – американский и африканский. Утверждалось, что Африка затем каким-то образом отползла на нынешние позиции. Николай сомневался в справедливости этой теории. Ему больше верилось в то, что разлом случился между двумя штатами. «И как аккуратно разломалось, - усмехнулся Николай, - точно по границе между Нью-Йорком и Нью-Джерси».

Он вспомнил одного полковника, с которым разговорился в поезде по дороге из Киева в Харьков. Узнав, что Николай работает в Нью-Йорке, полковник заявил тоном, не допускавшим малейших возражений: «Я бывал в Нью-Йорке. Город Нью-Йорк находится в штате Нью-Джерси.» «Нет, нет, - пытался разуверить его Николай. Город Нью-Йорк находится в штате Нью-Йорк». «Ничего подобного, - отрезал военный, - я там был, там через реку переезжаешь – и сразу штат Нью-Джерси». К сожалению, тогда Николай еще не знал о теории раскола. Возможно, что она переубедила бы полковника.

³⁹ «выбросила птичку»

⁴⁰ «Придунок гребаный!»

⁴¹ «Кто ты такой – мне указывать»

⁴² Здесь: «Пошел в жопу»

⁴³ «О, привет! Давай заходи!»

⁴⁴ «Кто ты такой – мне указывать»

⁴⁵ «Будьте здоровы!»

⁴⁶ «Пошел в жопу»

⁴⁷ «Г-н президент! Нельзя так просто взять и разбомбить другую страну!»

⁴⁸ «Кто ты такой – мне указывать. Пошел в жопу.»

⁴⁹ «Стойте»

Под гору зашагалось веселее. Николаю нравилось здесь ходить. Ему приятно было смотреть на зеленые лужайки, аккуратно постриженные кусты с яркими цветами, черепичные крыши в густую тени могучих дубов и развесистых елей. Почти все дома в этой округе принадлежали богатым евреям. Богатым – потому, что дома стоили по несколько миллионов, евреям – потому, что здесь была еврейская школа и несколько синагог, в которые можно было ходить пешком.

Несмотря на свое формальное гражданство, Николай не испытывал врожденной нелюбви к избранному народу. Более того, он считал этот народ действительно избранным, с чем нужно было просто смириться. «Так устроен мир, - подумал он, – если бы он был устроен иначе, то вот в этом утопающем в зелени особняке жил бы я, а Аркаша бы сейчас издавал скрежет зубов».

Николай тотчас же устыдился этой мысли. «Как же можно быть таким политически некорректным? Ведь Аркаша совсем не типичный представитель, он вообще не представитель, как я такое мог подумать?» Николай вспомнил врачуху из харьковской зубной поликлиники по фамилии Нога, которая, судя по внешности, а особенно по усам, свой род вел не иначе как от *козака Голоты*. Нога рвала Николаю коренной зуб. Зуб был очень крепкий. Он был крепкий, потому что был здоровый. Его нужно было бы чуть-чуть подлечить, но советское зубоврачевание всегда предпочитало искоренение лечению. Зуб рвали очень долго. Он не хотел вырываться. Но недаром в жилах *щирої* врачухи текла кровь Ярослава Мудрого. Она велела двум своим коллегам держать голову Николая, взяла зубило и молоток и принялась дробить зуб на части. Зуб не сразу, но дрогнул. Основные его части были извлечены, мелкие осколки выходили еще долго. Целый месяц пришлось ходить с дренажем, пока не прошло воспаление.

От одного этого воспоминания у Николая заболел весь рот и на глаза навернулись слезы. «И не нужен нам был никакой иноземный доктор Менгеле, у нас все было свое, а Аркаша бы прежде, чем вырвать, лечил бы мой зуб от всех болезней, вплоть до кожно-венерических. Даже Рот, по сравнению с Ногой, - агнец».

Дорога стала круче уходить вниз, и Николай зашагал быстрее. «I started down the mountain several years ago,⁵⁰ - начал напевать он услышанную по радио песню, чтобы отвлечься от дурных мыслей. - Как там дальше было? Черт, забыл. Вообще у американцев тоже много песен про то, как кто-то спускается с горы. Может, поменьше, чем у нас, хотя как знать.»

Николай попытался вспомнить что-нибудь из английских стихов, которые он когда-то читал своим детям, и в которых кто-нибудь спускался бы с горы:

The King of France went up the hill,
With twenty thousand men;
The King of France came down the hill,
And ne'er went up again.⁵¹

The Man in the Moon came tumbling down,
And asked the way to Norwich;
He went by the south, and burnt his mouth

⁵⁰ «Спускаюсь вниз с горы который год...»

⁵¹ По склону вверх король повел полки своих стрелков. По склону вниз король сошел, но только без полков. (Перевод С. Маршака)

With eating cold pease porridge.⁵²

«Да, скудны мои познания в детской английской поэзии, - устыдился Николай, - вот только Шалтай-Болтай остался»:

Humpty Dumpty sat on a wall,
Humpty Dumpty had a great fall; All the King's horses, and all the King's men
Cannot put Humpty Dumpty together again.⁵³

«Нет, все-таки у них больше просто падают. Или же на горку лезут, как тот французский король или как Jack and Jill»:

Jack and Jill went up the hill,
To fetch a pail of water;
Jack fell down, and broke his crown,
And Jill came tumbling after.⁵⁴

«У нас же любят под горку: “Вот кто-то с горочки спустился...” Или: “Она спускается с горы на лошади...” Или вот: “Дело близится к обеду, я с горы на жопе еду.” А вот еще: “Катилась торба с высокого горба...” Почему так? Потому что легко под горку, весело. Какой русский не любит быстрой езды...

Но вот уже что-то ужасное: “Вниз под горку катится голубое платьице, на боку зеленый бант...” И потом по-детски несурзное, как будто и не было этого катящегося вниз кошмара: “Меня любит музыкант, музыкант молоденький, зовут его Володенька.”»

За спиной завизжали тормоза. Николай едва успел отскочить в сторону. В нескольких сантиметрах от него проехало так называемое «limo» - т. е. лимузин. Таким громким словом здесь называют черных крокодилов, выведенных американским автопромом, которые используют в качестве такси по вызову. В этом околотке многие водители limo – арабы, и все они – Николай вздохнул, но - правда есть правда – все они – потенциальные самоубийцы. Но прежде, чем разбиться насмерть, они должны унести с собой жизнь хотя бы одного из неверных – например, Николая.

Лимо остановилось. Не зря же тормоза визжали... Когда Николай поравнялся с машиной, сидящий за рулем смуглый и недобрый человек изо всех сил нажал на сигнал. Что с арабского, наверное, означало «fuck you, ».

Вообще-то Николаю действительно нужно было быть поосторожней. Тротуаров здесь не было, идти приходилось по проезжей части, прижимаясь к самому краю дороги. Такое пренебрежение к пешеходу было не типичным для

⁵² Лунный человек упал с луны,
Лунный человек надел штаны,
«Где восток тут?» - он спросил и на запад поспешил.

Студень съел из курьих ног и язык себе обжог. (Перевод авторов)

⁵³ Шалтай-Болтай сидел на стене, Шалтай-Болтай свалился во сне. Вся королевская конница, вся королевская рать не может Шалтая, не может Болтая, Шалтая-Болтая, Болтая-Шалтая, Шалтая-Болтая собрать. (Перевод С. Маршака)

⁵⁴ Джанин и Джо на гору шли,
Ведро воды с собой несли.
Споткнувшись, вниз скатился Джо,
За ним - Дженин, за ней - ведро. (Перевод авторов)

Нью-Йорка, но весьма распространенным для других американских городов, особенно небольших. При их строительстве даже не предполагалось, что кто-то в них будет передвигаться не на автомобиле.

«Шла машина грузовая, раздавила Николая, - вспомнил Николай детский стишок, - Николай кричит: «Ура! Позовите доктора!» Как же там дальше было? «Доктор скачет на бутылке, прямо немца по затылку, немец думал, что война, сделал пушку из стекла.»

Этот стишок Николай выучил в военном гарнизоне, в котором в молодости проходил воинскую службу. Стишок любил рассказывать маленький мальчик по имени Миша – сынишка друга Николая. Зимними вечерами (а были ли другие в том суровом краю?), когда было особенно тоскливо, Николай заходил к другу в семейную коммуналку, угощался домашней едой, играл с детьми. Детей было двое: шестилетний Мишутка и трехлетний Ромашка. Мишутка был озорным мальчуганом и знал много стишков, в том числе и сомнительного содержания. Нет нужды говорить, что в стишке про Николая неизвестно откуда взявшийся немец делал пушку вовсе не из стекла.

Ромашка был Мишиной противоположностью: он был серьезным и дисциплинированным. Когда Лена – жена друга – хотела отдохнуть, с Ромашкой никогда трудностей не было. Лена помещала его в пространство между кроваткой и столом, загораживала стулом и объявляла, что он арестован и должен теперь сидеть в тюрьме до освобождения. Все назначенные сроки лишения свободы Ромашка отбывал беспрекословно. Возможно, что «одиночная камера» научила его наблюдательности. Как-то на прогулке с Николаем Ромашка, устав от катания на санках, сел на сугроб, посмотрел на стоявшие вдали замерзшие транспортные самолеты и произнес: «Дядя Коля! У нас все – военные. И страна у нас военная».

Наконец показался Гудзон – «река, плывущая в двух направлениях», как называли его индейцы.⁵⁵ Плывет он в обратном направлении тогда, когда начинается прилив в море, в которое он вливается неподалеку от этого места.

По Гудзону плыли две баржи, подталкиваемые маленькими буксирами, и яхта с белым парусом. Николай постарался представить себя на этой яхте (баржи его не привлекали), стоящим за лакированным штурвалом. Сигара, long drink,⁵⁶ освежающий бриз...

«Кстати, у них, возможно, больше песен про плавание вниз по реке – *down the river*. Но и у нас: “Как по Волге-речке, плыли две дощечки...” Но нет слова “вниз”, чтобы было “вниз по Волге-речке...” Хотя трудно себе представить, чтобы они плыли вверх по Волге-речке, что у них – мотор, что ли.

Но что я про всякую ерунду думаю, как чукча какой-то – “что видит – то и поет”. Или это калмык? Ну, разве можно себе представить, чтобы Ленин такое думал, или Солженицын? Стыдно, товарищ. Хотя почему бы и нет? Разве это не может быть достойным предметом исследования в области сравнительного языкознания? Ха, у кого язык длиннее... Записать все аккуратно и назвать...Записки... Записки психа-лингвиста, ха-ха.

Но хватит, в самом деле. Вместо того, чтобы готовиться к шоуауну⁵⁷ с Аркашей... А ведь потом предстоит еще один – пусть небольшой - с Витовтом. Но об этом можно подумать в электричке».

⁵⁵ Это не означает, однако, что «река, плывущая в двух направлениях» по-индейски будет «Гудзон».

⁵⁶ Коктейль

⁵⁷ От английского showdown – «решающий поединок», «окончательное выяснение отношений»

Платформа, на которую приходила электричка, следовавшая в Нью-Йорк, располагалась прямо на берегу. К реке можно было пройти через калитку в заборе, который ограждал пути. На берегу были установлены скамейки, а также урны для мусора. Рядом с калиткой висело предупреждение: «Рыбы и крабы, обитающие в этих водах, содержат химикаты, и употребление их в пищу может быть опасным, особенно для женщин и детей».

Надпись дублировалась на испанском, но почему-то без упоминания химикатов, женщин и детей. Просто: рыбу и крабов из этой реки есть вредно. Как бы предполагалась, что испаноязычным жителям Бронкса знать про химикаты излишне, а их женщины и дети – столь же стойкие к вредным веществам, что и мужчины. Был ли здесь скрытый злой умысел? Вряд ли, поскольку на самом деле надписи практической пользы не имели: рыбачили здесь, в основном, русскоговорящие люди – персонал постоянного представительства России при ООН, проживавший в Ривердейле в так называемом «Белом доме» - многоэтажке, огражденной высоким забором.

Сама многоэтажка была сооружена по оригинальному проекту: сначала построили остов, а затем на него нанизали этажи, причем сверху вниз. Таких зданий в Америке было еще два – кажется, в Калифорнии. Но они были снесены по причине своей небезопасности. Николай узнал об этом от одной знакомой американки, которая участвовала в проектировании уникальных зданий. Каждый раз, когда они встречались, она искренне удивлялась: «Is the Russian building still there? Is it still standing? Wow!»⁵⁸

Николай заметил, что стоявшая на платформе молодая девушка заинтересованно посматривает в его сторону. «Do I know her? Why is she staring? Staring is impolite, and here it can be dangerous. She should be thankful that we are not in a subway station in South Bronx, and I am not a bad big Afro-American. Otherwise, she would already be lying on the tracks, her skinny white ass electrocuted». Николай содрогнулся. «My God, how can I be thinking this? Alyosha is right: Russians are all racists. Why can't I become color neutral and politically correct, like the Americans? And why the fuck am I thinking in English? Why not in Russian? Or in Ukrainian, at least?»⁵⁹ Надо попробовать:

Дівчино, що Ви витріщалися? Це ж нечемно – так витріщатися. Навіть небезпечно. Будьте вдячної, що ми не в метро десь в північному Бронксі, і що я не злий дужий афро-американець, а то б Ваш худий білий зад вже курився на рельсах як на електричному стільці».

Оставшись довольным неутраченной способностью переводить на национальный язык, Николай присмотрелся к девушке. На ней была обычная по тем временам молодежная униформа: расклеванные потертые джинсы с изготовленными на заводе дырками (Николай часто задавался вопросом, как делаются эти дыры: на специальном станке или нанимают подешевле мексиканца-нелегала, который раздирает штаны руками?) и коротенькая блузочка. Джинсы едва прикрывали девичий лобок и так плотно облегли

⁵⁸ «Как там русский дом? Еще стоит? Ничего себе!»

⁵⁹ «Может, мы знакомы? Что она уставилась? Это – невежливо, а здесь – и опасно. Пусть скажет спасибо, что мы не где-нибудь в метро в южном Бронксе, и я – не большой и злой афро-американец, а то бы ее худая белая задница уже дымилась бы на рельсах как на электрическом стуле... Господи, как я могу так думать? Алеша прав: все русские – расисты. Почему я не могу относиться одинаково ко всем цветам кожи и быть политически корректными, как американцы? И какого черта я думаю по-английски? Почему не по-русски? Или, по крайней мере, по-украински?»

бедра, что, казалось, в их карман невозможно было засунуть руку, не обломав пальцы. Блузочка тоже выполняла свою основную функцию, т.е. скрывала от любопытных взглядов вторичные половые признаки, оставляя при этом для обозрения широкую полосу голого живота (будь блузка кольчужкой – девушке не поздоровилось бы в битве на Чудском озере).

«Она не просто на меня смотрит, она еще ко мне подходит. “American woman, get away from me!”⁶⁰ - вспомнил Николай песню, услышанную в каком-то фильме. - Впрочем, скорее всего, она просто хочет спросить, когда прибывает следующая электричка, или на той ли платформе она стоит.»

Еще на подходе девушка надела на лицо наработанную улыбку.

- Sir, excuse me, may I ask you a question?

- Sure.

- Do you travel from this station often?

- Yes, every day. Almost.

- Will you be coming back here tonight?

- (This is a rather unexpected question.) Yes. Why?

- Will it be – like – 7 or 8 in the evening?

- (What does she want? She can't possibly be interested in me.) Yes, around that time.

- I thought if I could give you my number...

- (Is she really hitting on me? Is she nuts? I am an old fart, I have a turkey neck, for Pete's sake...)

- I am sorry I am bothering you, but you know I have left my car in the parking lot here, and the guy who is supposed to collect money was not there, and I don't know if he has just stepped out or gone for the day, and one can park for free... Would you know the parking rules here?

- (Oh, now we are getting there.) No, I don't drive.

- I was wondering if you could do me a favor. I have this important interview in Manhattan...

- (Yeah? With whom – navel contest organizers?)

- And I might have to stay there late, so I thought if I could give you my cell number, and you could call me when you come back here so that I know that my car has not been towed away or something, just for peace of mind, you know? Not that I'll be able to change anything, if something happens, but still, if you could call me, I'd appreciate it very much.

- Oh, sure, no problem. ⁶¹

⁶⁰ «Американская женщина, не подходи ко мне!»

⁶¹ Простите, можно задать Вам один вопрос? – Пожалуйста. – Вы с этой станции часто ездите? – Да, каждый день. Почти. – А Вы сегодня вечером будете сюда возвращаться? – (Довольно неожиданный вопрос.) Да. А что? – В районе 7 – 8 часов вечера? – Да, примерно. – Я подумала: может, я могу дать Вам свой номер телефона... - (Неужели я ей приглянулся? Она что – большая на голову? Я же – старый пердун, у меня второй подбородок). – Вы уж извините, что я Вас беспокою, но дело в том, что я оставила свою машину здесь на парковке, а человека, который вводит деньги, не было, и я не знаю: то ли он отошел куда, то ли вообще у него рабочий день закончился, и уже можно парковаться бесплатно... Вы случайно не знаете, какие здесь правила? – (А, уже горячее...) Нет, я не вожу машину. – Не могу ли я попросить Вас об одном одолжении? У меня одно важное собеседование на Манхэттене, – (Интересно, с кем – с организаторами конкурса на самый красивый пупок?) – и, возможно, мне придется задержаться там допоздна, и я подумала, что если я Вам дам номер своего мобильного, а Вы бы мне позвонили, когда сюда вернетесь, чтобы я знала, что мою машину не отбуксировали, знаете – для спокойствия? Я, конечно, изменить ничего не смогу, если что-то произойдет, но в любом случае: если Вы мне позвоните – я буду Вам очень признательна. – Конечно, без проблем.

Девушка уже записывала номер на клочке бумаге.

- My car is that red Jetta over there, see? Next to that big Toyota SUV? Here is my number. And thank you very, very much. My name is Sasha. Shall I write it down?

- No, Sasha I can remember.

- Oh, here's the train coming. I need to go to the front. Thank you very much again.⁶²

«Саша, Саша – радость наша, - подумал Николай, усаживаясь у окошка, - Саше можно и оказать любезность. Она, наверное, не знает, бедолага, что ее зовут Александрой. Но я опять отклоняюсь. Итак, к встрече с Аркашей я, в принципе, готов, все документы у меня есть, надо только проявить твердость и получить компенсацию. Так что сейчас можно подготовиться к разборке с Витовтом».

ВИТОВТ

- до того, как поменял имя – был Эдуардом. Он был человеком-легендой. Во время холодной войны о нем неоднократно писали нью-йоркские газеты как о герое - диссиденте, которого не смогла победить Советская власть. Ненавидя тоталитаризм, Эдуард дважды переходил государственную границу, пытаясь из социалистической Аджарии попасть в свободную Турцию. Дважды его арестовывали, сажали в тюрьму и психушку. Но свободный дух сломать не удалось. Эдуард уехал в Эстонию, взял напрокат резиновую надувную лодку, сел в нее и не вернулся - уплыл в Финляндию. Оттуда он попал в искомую Америку, где поменял фамилию – Небезызвестный - на Фримэн (т.е. «свободный человек»).

Эдуард был хорошим физиком и талантливым изобретателем, что снискало ему почет и уважение в компании, в которой он работал вместе с Николаем. В последнее время, однако, он мало внимания уделял производственным нуждам, был мрачен, громогласно ругал «тоталитаризм, полицейское государство и попрание прав человека и фундаментальных свобод в США». Критика американской администрации, в частности, и общественного строя, в целом, стала одним из основных занятий Эдуарда. Вторым – и последним – были рассказы о его двух котах, которых он любовно называл своими «детками», а иногда - «сыночком и внучком».

Хроническое недовольство насквозь прогнившей американской системой – президента он называл исключительно «this son of a Bush» и гомерически при этом смеялся, считая это отменной шуткой – привело Эдуарда к принятию радикального решения – эмигрировать, а также поменять имя. Эмигрировать нужно было срочно, пока еще в мире оставался единственный и последний оплот демократии и свободы, имеющий смелость бросить вызов американской гегемонии – Исламская Республика Иран.

«Только так просто туда не попадешь, - объяснял он Николаю. - Я вначале поеду в Белоруссию, там попрошу убежище, у меня там есть уже один проект – ведь я же классный физик, это здесь я хуйней занимался - получу вид на жительство, паспорт, а потом – в Иран. Деток, правда, если не удастся

⁶² Моя машина – красная Джетта – вон там, видите – рядом с джипом Тойота? Вот мой номер. Спасибо Вам огромное. Меня зовут Саша. Имя записать? – Не надо, Сашу я запомню. – Вот уже и поезд. Я пойду, мне надо в передний вагон. Еще раз Вам большое спасибо.

забрать с собой, придется отравить – не могу же я их просто так взять и бросить в этой стране. Кстати, Коль, ты не мог бы меня сегодня подменить - мне в белорусское консульство нужно».

Вот как раз по поводу этих постоянных подмен и собирался поговорить с ним Николай. «Ведь он формально мне даже не начальник, а относится ко мне как к подчиненному. И насадку для станка, которую придумал я и которая экономит компании массу времени и денег, он так преподнес начальству, будто он был руководителем проекта. Тоже мне – герой-диссидент. Обыкновенный предатель Родины. Сегодня я ему все выскажу. После Аркаши это легко будет сделать: уже будет набрана определенная динамика, как любят сейчас выражаться российские политики».

Через 25 минут Николай был на Grand Central Station - Большом центральном вокзале. На самом деле вокзал был большим эвфемизмом: если он и продолжал оставаться центральным, то уже давно перестал быть большим, уступив Пенсильванскому вокзалу, и обслуживал лишь пригородные электрички. Огромный американский флаг, висевший в основном зале, напомнил Николаю о стране пребывания. Николай, хотя и спешил, не мог не задержаться, чтобы – в который раз – полюбоваться этим чудесным залом – просторным и воздушным, как кафедральный собор.

Офис Аркаши

находился неподалеку – между 2-ой и 3-ей авеню – на первом этаже многоэтажного жилого дома, на дверях которого рекламировались *Luxury Rentals*⁶³. Латифа встретила Николая практически голой. Во всяком случае, из одежды, кроме облегающих высоких сапог и тугой блузки, напрасно пытавшейся удержать в рамках приличия выдающийся бюст, Николай ничего не приметил.

«Коля, привет! – радушно сказала Латифа, широко распахнув перед Николаем свои большие синие глаза. – Аркадий тебя ждет. Он даже отменил один appointment.⁶⁴ Проходи.» Но сразу Николай пройти не мог: глаза Латифы, а особенно ее ноги, казалось, зывали к нему: «Не уходи! На кого же ты нас покидаешь?!»

Из лирического состояний его вывел бодрый Аркашин голос: «А, Коля, привет! Long time, no see,⁶⁵ ха-ха! Проходи, а то скоро придет следующий пациент – Саша Саенко, ты его знаешь? Он тоже с Украины, с Белой Церкви, по-моему. Садись сюда. Ты знаешь, что он уже купил дом? Представляешь? Сколько он здесь? 5 лет? 6? И знаешь – где? На Лонг-айленде, можешь себе представить. Говорят, что он заплатил кэш. Ты про это знаешь? Я уже здесь 20 лет, пашу как папа Карла, и все еще не могу выплатить свой моргидж⁶⁶ за квартиру в Квинсе. Я спрашиваю – это что – fair?⁶⁷»

Вот в чем нельзя было отказать Аркаше, так это в умении заговаривать зубы. Особенно в тех случаях, когда их было не очень много. Еще он обладал удивительной способностью перемежать свою речь английскими словами и

⁶³ Сдаются квартиры «люкс».

⁶⁴ Визит

⁶⁵ «Моя твою – долго не видела» (ломаный англ.)

⁶⁶ Ипотека

⁶⁷ Справедливо

выражениями и делать это так, будто они – плоть от плоти, кровь от крови – исконно русские.

Стульчик, который он выделил Николаю для сиденья, был очень неудобен: круглый, вертящийся и непомерно высокий. Николай не доставал ногами пола, и с трудом удерживался от того, чтобы не соскользнуть вниз. Это мешало ему сосредоточиться. А Аркаша как бы невзначай намекал на то, что этот скользкий стульчик можно легко поменять на соседнее комфортабельное ложе – дантистское кресло. Но туда Николаю было уже не заманить.

- Аркаша, мне не интересен Саша Саенко, давай к делу. Ты ознакомился с документами?

- Ознакомился, ознакомился. А что мне с ними знакомиться? Что я – не знаю – что в них? Что мы с тобой – маленькие дети *of something*?⁶⁸ Ты работаешь, я – работаю, у нас с тобой дети...

- Аркаша, побойся Бога, что ты такое говоришь?

- Я говорю, мы взрослые люди, мы *кэрим*⁶⁹ за свои семьи, не *абюзим*⁷⁰ детей, не пьем много, всем надо зарабатывать на жизнь...

- Да, но ты зарабатывал за счет моих зубов и моей страховки.

- Но что ты такое говоришь...

- Я говорю о том, что ты брал деньги со страховки за работу, которую ты не делал, например, за мосты, которые ты на самом деле не менял...

- Коля, Коля, ты же знаешь, что иначе просто нельзя, *that's the way it works*⁷¹, страховка платит гроши, а нам же тоже надо что-то зарабатывать, а с тобой было очень много работы...

- Столько много, что мне придется лишиться даже тех зубов, которые у меня остались...

- Что ты опять имеешь в виду?

- Их надо будет удалять, потому что в корнях остались обломанные иголки. И надо будет ставить импланты. Это очень дорого.

- Коля, я знаю, что ты ходил к этой женщине. Она индуска – ты знаешь. Это она тебе сделала *second opinion*?⁷² Я ее знаю. С ней нужно быть осторожным.

- Да ведь на снимках все видно.

- Ну и что, что видно? *Not a problem. We can fix it.*⁷³ И не надо их удалять. Сколько она попросила за работу?

- Минимум – 10 тысяч. И она не индуска. Она – американка.

- Тем более. Она не готова к твоему рту. Коля, вспомни, с каким ртом ты приехал – *it was horrible!*⁷⁴ Страшно было снимки отсылать в страховую компанию. Но мы не теряли надежды, мы боролись за каждый зуб!

- Да, и прежде, чем удалить очередной безнадежный зуб, ты давал поработать на нем всем своим друзьям!

- Коля, ты был очень тяжелый случай. У тебя был такой парадонтоз. Теперь ведь его нет.

- Потому что зубов больше нет.

⁶⁸ «Или что?»

⁶⁹ От английского *care* - заботиться

⁷⁰ От английского *abuse* – грубо обходиться

⁷¹ Так работает система

⁷² Второе мнение (досл.)

⁷³ Не проблема. Мы это может поправить.

⁷⁴ Это было ужасно!

- Коля, мы ходим, и нам на голову может упасть кирпич. You know that shit happens.⁷⁵ Кому-то везет больше, кому-то – меньше. Я сейчас выйду – меня собьет машина.

- Ну, к чему ты это, Аркаша?

- К тому, что разве мы этого хотели? Мы хотели как лучше. И что ты хочешь, чтобы мы сейчас сделали?

- Вы платите мне 10 тыс., и я не подаю на вас в суд.

- Она запросила 10 тысяч? Мы тоже посоветовались, посмотрели на копии, что ты нам прислал. Там максимум, о чем можно говорить – это две, две с половиной тысяч. Но мы опять решили пойти тебе на встречу....

- Как это – опять? – попробовал возмутиться Николай, но стал сползать со стульчика.

- Мы можем выдать тебе чек на 5 тысяч, и ты дашь каждому из нас notorized release⁷⁶ о том, что не будешь нас сьютить.⁷⁷

- Пять тысяч are not gonna cut it,⁷⁸ ответил Николай той же монетой: не только Аркаша знал английский язык.

- Я же тебе об этом и говорю, - Аркаша подвинул свой стул поближе к Николаю. - Смотри, Коля. Разве бы мы стали просить с тебя такие деньги? Что мы – ничего не понимаем? Ведь ты же – наш человек. Надо импланты – мы поставим импланты. А что ты думаешь, эта американка, все тебе делает как надо? Я про нее слышал, она ездит по конференциям, по семинарам, но это ничего не значит. И если что – как ты будешь с ней разбираться? Что она – тебя поймет, пойдет навстречу?

- Я достаточно знаю английский язык.

- Ты его знаешь, Коля, очень хорошо знаешь, лучше, чем эта индуска. Я говорю о человеческих взаимоотношениях, о том, что мы с тобой столько лет друг друга знаем. Чек этот на пять тысяч – тьфу, выписал – и забыл, но поможет ли тебе он, Коля?

Раздался стук. Дверь приоткрылась и на уровне глаз Николая выплыл бюст Латифы.

- Простите, ради Бога. У нас уже двое сидят ждут.

- Одну секунду. Так что, Коля, что будем делать? Как скажешь – так и поступим.

Николай с трудом перевел взгляд на Аркашу. Тот смотрел на него глазами, полными слез. Его губы-гусеницы расплзлись в доброй улыбке.

- ОК, forget about the check,⁷⁹ - не смог по-русски признать свое поражение Николай.

- Латочка, сделай, пожалуйста Коле эппойнтмент, - торопливо проговорил Аркаша, горячо пожимая руку Николаю, который уже окончательно соскользнул со стула.

«Эппойнтмент – это всего лишь “визит” », - с грустью подумал Николай.

- Когда тебе удобно, Коленька? – спросила Латифа, раскрывая свой журнал.

⁷⁵ Ты же знаешь, от неприятностей некто не застрахован (дословно: «ты же знаешь, что говно случается»)

⁷⁶ Заверенный нотариусом документ, освобождающий от ответственности

⁷⁷ От английского *sue* – подавать иск.

⁷⁸ Делу не помогут

⁷⁹ Ладно, забудь про чек.

Николай вздрогнул. Ему послышалось не «когда», а «куда», но через секунду он осознал ошибку. «Старый перверт,⁸⁰ - устыдился он, - I am simply a fucking old pervert, that's what I am».⁸¹

- Тебе лучше утром или после обеда? – переспросила Латифа.

- Лучше утром, отмучусь – весь день свободен.

- Ну уж прямо-таки – «отмучусь»... We'll be gentle to you, don't worry.⁸²

Да, Коля, кстати, я не помню, говорила тебе уже или нет: за твой съемный мост, который тебе Аркадий делал, нужно доплатить 800 долларов. Ты как хочешь – по карточке?

Николай никак не хотел, но это было хотя бы не 10 тысяч. «По крайней мере, - подбодрял он самого себя, - я все высказал Аркаше, он теперь знает, что он у меня на крючке, и будет стараться. И он все же – свой человек, а американцы только и знают, что деньги тянуть, тем более индуски. Все, с этим вопрос закрыт – done and over with, как здесь выражаются. Теперь – следующий этап».

Компания

представляла собой маленький завод, на котором изготавливали детали несколько рабочих, и лабораторию. Еще был шеф-американец и два инженера – Николай и Витовт. В случае необходимости все трое также работали на станках.

Хотя в этот день Николай вообще не должен был работать, Витовт встретил его так, будто бы ждал его появления последние пару часов. Он был явно взволнован. Его круглое лицо пылало румянцем, а крупные карие глаза разбегались во все стороны. Одет он был как обычно – фиолетовый пиджак, красная рубашка и зеленые брюки. Голову украшала коричневая ковбойская шляпа. Сидевшая за компьютером секретарша иногда бросала в его сторону усталые взгляды.

«Коля, наконец-то, - радостно воскликнул он. – Где ты запропастился? Иди сюда, я должен тебе кое-что показать!»

- Что? Я, между прочим, вообще сегодня не должен работать, пришел проверить, как работает насадка.

- Замечательно работает наша насадка, не волнуйся. Да ты иди сюда, я покажу тебе своих детей, я их заснял на видео.

- Ты имеешь в виду котов? Я их видел уже сто раз.

- А ты видел, как они срут? Иди сюда – посмотри.

Николай спешно приблизился к Витовту – хотя бы для того, чтобы тот перестал орать: секретарша была русскоязычной, с Брайтона, хотя и говорила с сильным акцентом.

- Ну, давай, показывай, только не кричи, пожалуйста.

- Да ты смотри, - еще пуще заорал Витовт. – Это - мое изобретение.

Видишь – вот унитаз, а на нем – мое изобретение.

Николай действительно увидел унитаз, установленный между раковинкой и ванной. Крышка унитаза была поднята, а на нем сверху – над отверстием – было установлено нечто вроде сетки. По кафельному полу расхаживали два здоровенных кота.

⁸⁰ От английского *pervert* - извращенец

⁸¹ Я просто гребаный старый извращенец и больше никто.

⁸² Мы с тобой ласково будем работать, не волнуйся.

- Поначалу у меня планочки были вместо сетки, чтобы они не боялись и привыкали. А потом, когда несколько раз на унитазах посрали - поставил сетку, и – пошло-поехало.

- Я тебя очень прошу – потише, Тина же все слышит! – яростным шепотом умолял Николай.

- Да ей уже показывал. Вот, смотри, сейчас мой внучек вскочит. Но у него, бедолажечки – запор, тужится, ему больно, он плачет, маленький, никак не просрется.

Жалобно помяукав, внучек соскочил на пол.

- Это все? - с надеждой спросил Николай.

- Та ты чего – сейчас будет самое главное. Вот: сынок мой, папенька внучка, запрыгивает, видишь? Усаживается – опана! Посрал – и все в унитаз! Мне только смыть осталось. Я это изобретение на конкурс подавал, меня по channel nine⁸³ показывали, интервью брали. Спрашивают: а как Ваши кошки относятся к Вашему изобретению? А я отвечаю: «They shit on my invention»,⁸⁴ ха-ха!

- А чтоб они сами сливали – ничего нельзя придумать?

- Почему нельзя – можно. Только некогда уже: я же уезжаю.

Витовт замолк и поник головой. Когда он вновь поднял глаза на Николая, в них были слезы.

- Я сегодня травить их буду.

- Кого травить?

- Деток. Внучка и сыночка. Решил не оттягивать больше.

- Может, не надо все-таки. Отдай кому-нибудь, или в приют.

- Нет, в этой стране я не имею права их оставлять. А в приюте их все равно убьют.

Голос Витовта сорвался.

- Я пойду, - сдавленно произнес он. – Я только попрошу тебя, Коля, об одном: подмени меня, пожалуйста, мне всего пару часов осталось доработать. Прощай, друг.

«Пиздец котяткам, больше срать не будут», - вспомнил Николай народную поговорку и опустил на стул. У него сдавило виски. Боль, видимо, отразилась на его лице, потому что секретарша Тина заботливо спросила: «Ник, Вы что, плохо себя почувствовали? У Вас хедэйк?»⁸⁵ Возьмите Тайленол, у меня есть. А хотите, я сделаю Вам кофе?»

«Спасибо. Давайте, пожалуй, и то, и другое.»

Домой

Николай возвращался, когда было уже темно. Обычно после работы он засыпал в электричке минут на 10-15, но никогда не просыпал своей станции. Он просыпался на Спайтен Дайвил – станции, которая предшествовала Ривердейлу. В названии - *Spruycen Duuyvil* - можно было легко распознать *Spite of Devil*, что означало «злоба дьявола». Возможно, когда-то это место, где Харлем-ривер вливалась в Гудзон, было опасным для судоходства. Сейчас же, ничего грозного на этой станции заметить было нельзя. Вокруг нее – опять же из-за наличия

⁸³ Девятый канал

⁸⁴ Они срут на мое изобретение.

⁸⁵ От английского *headache* – головная боль

большого количества синагог – кучно проживали евреи, люди весьма мирные. На Спайтен Дайвил шумная толпа покидала вагон, и Николай просыпался.

На это раз, однако, ему не спалось. Он понимал, что день все-таки не удался. Задачи выполнены не были. И не надо было себя обманывать: он потерпел фиаско. Его охватило чувство злости на Аркашу, Витовта, собак и кошек, жен и детей, унитазаы и зубные протезы. Но больше всего он был зол на самого себя. «Я сейчас – Спайтен Дайвил, - горько подумал Николай. - Злоба дьявола. Только у меня она бессильная».

Он поймал себя на том, что он – неизвестно, сколько уже времени – неотрывно смотрит на здорового афро-американца, сидящего напротив со своей темнокожей подружкой. Чернокожий юноша был явно недоволен своей girlfriend: он громко отчитывал ее за что-то и тыкал пальцем прямо ей в лицо. Девушка столь же явно боялась его и похныкивала. Ее можно было понять. Негр был страшен. У него была внушительная мускульная масса и маленькая голова, обтянутая черной купальной шапочкой, поверх которой была надета бейсбольная кепка. Негр говорил быстро, и Николай разобрал лишь некоторые слова: «bitch», «fuck» и «motherfucker»⁸⁶. Слова, однако, были опорными, и несложно было догадаться, что girlfriend была bitch, что она fucked с каким-то motherfuckerом, и теперь за это получала выговор.

Николай также понимал, что ему не стоило бы столь внимательно наблюдать за афро-американцем, но комбинация головных уборов буквально приковала к себе его взгляд.

Наконец негр с отвращением отвернулся от подруги и заметил Николая. «Все, зараз буде», - пришла Николаю украинская думка.

Он не ошибся. Натолкнувшись на его глаза, негр взбесился так, будто Николай и был тем самым пресловутым мазерфакером.

- And what are you looking at, huh? What are you looking at, motherfucker?⁸⁷

Николай молчал. Ему было страшно, но от того, что версия с мазерфакером подтвердилась, он усмехнулся.

- What's your fucking problem, bitch? – продолжал негр, - Hey, I am aksing you a question.⁸⁸

Николаю больше не было смешно. Страх тоже пропал, и стало как-то пусто. «What am I doing, - подумал он, - what am doing here?⁸⁹ Может, выйти сейчас на Спайтен Дайвил вместе с подавляющим меньшинством?»

- Hey, bitch, you fucking deaf?⁹⁰

- Fuck you.⁹¹

Николай даже не сразу понял, что эти слова произнес он. Афро-американец даже взвизнул: «What? What did you say?⁹²»

«Fuck you», - повторил Николай.

«I'll fucking kill you, motherfucker!»⁹³ – взревел негр и потянулся к Николаю. Вернее, он просто протянул руку, даже не наклоняясь вперед, и схватил Николая за воротник.

⁸⁶ Грубые ругательства. Здесь можно перевести: сука, трахаться и пидар.

⁸⁷ А ты чего уставился, а? Ты чего уставился, пидар?

⁸⁸ Что тебе, сучара, надо? Что надо, я спрашиваю?

⁸⁹ Что я делаю?... Что я здесь делаю?

⁹⁰ Ты че, пидар – оглох?

⁹¹ Пошел на х...

⁹² Что? Что ты сказал?

⁹³ Ну все, пидар, тебе – кранты!

«Is there a problem, gentlemen?»⁹⁴ – раздался голос сверху. Голос принадлежал проводнику, строго смотревшему на ссорящихся и готовому принимать решительные меры.

С проводником в Америке шутки плохи: он приравнивается к полицейскому, и нападение на него чревато семью годами тюремного заключения, о чем предупреждают надписи на стенах вагонов.

- No, Sir, we are cool, just talking, - заулыбался афро-американец. – Just talking, is all.⁹⁵

- Ok, just keep your voices down, please, as a courtesy to your fellow passengers,⁹⁶ - вежливо предупредил кондуктор и отошел. Но отошел недалеко, только до двери, где остановился, как бы задумавшись о своем, о кондукторском, но на самом деле продолжая наблюдение через отражение в стеклянной двери.

- Ok, bitch, I'll deal with you when we get off the train. Be ready, motherfucker!⁹⁷ – злобно прошептал темнокожий.

«Это должно происходить не со мной, а с Витовтом, - сокрушался про себя Николай, - для него это бы стало желанной каплей, переполнившей чашу, последним аккордом. Мне этого не надо, я не отвергаю Америку. И вообще: если посчитать, то в Нью-Йорке я провел больше лет, чем в каком-либо другом городе в Совке. Я люблю этот город, не бейте меня!»

Николай постарался втиснуться в гущу образовавшейся перед выходом толпы. Только теперь он заметил, как от страха напряжено его тело: он знал, что позади стоит внимательный негр.

Больше всего Николаю сейчас хотелось забрать обратно злополучные «fuck you». «Герой нашелся, - корил он себя. - Что теперь будешь делать – противостоять злу силой убеждения? Как будет по-английски – «дяденька, только по голове не бейте!»? Почему ничего больше не переводится?»

Он понимал, что расплата неизбежна. На автобусе, вместе с другими пассажирами, он ехать не мог: это противоречило его руководящим принципам финансовой ответственности и физического здоровья, да и метрокарточки (проездного для метро и автобуса) у него не было, а мелочи (банкноты автомат не принимал) на 2 доллара он бы не набрал. Он был обречен. Негр очень хотел его побить. Есть простые человеческие желания, в которых отказать невозможно. Николай понуро побрел в гору.

Пройдя метров пятьдесят, Николай оглянулся. К своему большому удивлению обиженного афро-американца сзади не оказалось. «Слава тебе, Господи, кажись, пронесло» - прошептал Николай и зашагал бодрее.

Свет фар Николай заметил в самый последний момент. Джип выскочил из-за поворота внезапно, визжа покрывками. Николай не успел отскочить в сторону: он шел по середине проезжей части.

Первое, что испытал Николай после того, как очнулся, было чувство ужаса. Ужаса от того, что верхнего съемного протеза не стало. Протеза, за который он только что доплатил 800 долларов США. Лишь после этого он почувствовал сильную боль в боку, от которой было трудно дышать. «Я лежу на дороге. Но я жив, потому что я думаю, - подумал Николай. - Что это мокрое на лице? Нет-нет, это невозможно, это не могло произойти со мной, это – не я.»

⁹⁴ У вас какие-нибудь проблемы, господа?

⁹⁵ Нет, сэр, у нас все в порядке. Просто разговариваем.

⁹⁶ Окей, только, пожалуйста, потише, вы здесь – не одни.

⁹⁷ Ладно, сучара, с поезда сойдем - я с тобой разберусь! Готовься, пидар!

Николай попробовал приподняться, но от вспышки острой боли едва не потерял сознание. «Так, главное – не паниковать. Я – жив. Я совсем недалеко отошел от станции. Там есть телефон».

Николай стал ползти. Ползти получалось, одной ногой он мог отталкиваться. Внизу светился крытый переход, внутри которого был телефон-автомат. Это было все, что видел Николай. Туда он полз.

Ему показалось, что прошло очень много времени, прежде чем он добрался до ступенек перехода. По ним карабкаться оказалась легче, чем ползти по земле. Николай приподнял голову и увидел нависший над ним железный ящик, в котором был устаканен телефон-автомат. Ухватившись рукой за нижний край ящика, Николай приподнялся, стараясь не опираться на раненую ногу. От боли у него помутнело в глазах, но он не дал себе упасть, ухватившись за аппарат. Силы убывали. Терять времени было нельзя.

Николай набрал номер и услышал запись автоответчика. Прослушав ее, он быстро – чтобы успеть – произнес: «Sasha, hi, it's Nick, we met today at the Riverdale Station. I am calling about your car. It's safe and sound, I am looking at it now from the overpass. Everything's fine, Bye now».⁹⁸

Николай выпустил из руки трубку.

Собака

уже не спала. Каждый раз, когда на улице раздавались звуки шагов, она приподнимала голову и прислушивалась. Затем опускала голову на передние лапы и шумно вздыхала: шаги были чужими. Наконец она поднялась с подстилки, вышла в коридор и стала вверху лестницы, которая спускалась к входной двери. Негромко поскулив, она улеглась на коврик, постеленном перед ступеньками, и стала ждать.

⁹⁸ «Саша, привет, это Ник, мы разговаривали сегодня на станции Ривердейл. Я звоню по поводу Вашей машины. С ней все в порядке, я на нее сейчас смотрю из перехода. Все хорошо. До свидания.»